ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В МОЛДОВЕ И ГРУЗИИ В УСДОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

КОЖУХАРЬ Ирина
преподаватель, магистр
Департамент Международных Отношений
Факультет Международных Отношений, Политических и Административных Наук Молдавский Государственный Университет

The article explores peculiarities of shaping ethnic minorities' integration policy in Georgia and Moldova going trough the period of the EU pre accession process. The analysis takes into account the context of increasing globalization and reveals main challenges these multiethnic states have to face in such conditions. Drawing parallels between two countries it was made an attempt to spot possible risks and prospects of the prevailing situation that can strongly influence ethnic policy making.

Key words: ethnic minority, ethnic policy, integration, nation building, European integration, globalization

В рамках большого международного проекта *Программа 7, Содействие в подготовке и развитии карьеры исследователей (Marie Curie), Схема международного сотрудничества для исследователей (FP7 IRSES*) «Возможности и ограничения, вызовы и барьеры в переносе лучших практик и опыта европейской интеграции стран Центральной и Восточной Европы для интеграционного процесса Молдовы и Грузии» исследователями из четырех стран бывшего СССР изучался целый ряд проблем, связанных с процессом сближения Грузии и Молдовы с Европейским Союзом. При этом, одной из немаловажных проблем, вызвавший наш интерес как участников проекта, является проблема формирования политики интеграции национальных меньшинств. В статье мы ставим перед собой цель проследить особенности формирования данной политики в Грузии и Молдове в эпоху растущей интеграции как глобальной, так и региональной, а также выявить внешние факторы, наиболее влияющие на ее формирование, и возможные риски подобного влияния.

Современная ситуация в мире характеризуется расширением взаимосвязи все большего количества стран и народов. Найти этнические общности, не

* "This research was supported by a Marie Curie International Research Staff Exchange Scheme Fellowship within the 7th European Community Framework Programme"Possibilities and limits, challenges and obstacles of transferring CEE EU pre-accession best practices and experience to Moldova's and Georgia's pre-accession process".Project Website: http://eupreacc.wordpress.com/

испытывающие воздействие извне практически невозможно. Электронные средства связи, средства массовой информации в условиях растущих процессов глобализации способствуют тому, что обмен культурными моделями достигает огромных масштабов и необычайных скоростей. Государства, народы, этносы взаимодействуют в единой системе отношений на планетарном уровне, позволяющей открытый культурный обмен, адаптацию культурных стереотипов, заимствование моделей поведения и, ведущей к расширению общения во всех сферах человеческой деятельности.

Однако, предоставляя огромные возможности для взаимовлияния и взаимного обогащения культур, глобализация, вместе с тем, превращает замкнутые национальные экономики в открытые экономические и социальные системы, что приводит к «отмиранию» национальных государств и гражданских наций. Формируется некое глобальное «сверхобщество» или по определению А.Л. Сафонова, А.Д. Орлова, «глобальный «плавильный котел», в котором «культурные, национальные и религиозные особенности низводятся до уровня маргинальных субкультур и в перспективе стираются, образуя глобальную «общечеловескую общность» [1, ст. 18].

Убеждение в быстром «отмирании» этнической и национальной идентичности вследствие глобализации и быстром формировании глобально усредненного мирового социума разделяется большинством исследователей. Этнос игнорируется и глобалистами и «антиглобалистами», видящим в глобализме и глобализации угрозу культурно-цивилизационному разнообразию. На экономически, технологически предопределенном «отмирании» наций и этносов настаивает и наиболее радикальное направление экономического редукционизма – неолиберализм.

На деле по мере развития глобализации и кризиса национальных государств этническая принадлежность не сглаживается, не ассимилируется и не интегрируется в глобальную среду. Напротив, размывание границ национальных экономик и национальных государств вызвало компенсационный процесс регенерации и реконструкции этносов. «Ожидаемая «глобализация ТНК» оказалась глобализацией этносов и диаспор» [1, ст. 19].

Если обратится к процессам, имеющим место в американском социуме, который является моделью полиэтнической нации иммигрантов, можно наблюдать, что в ходе глобализации, несмотря на высокую территориальную мобильность рабочей силы, этническая неоднородность общества не только сохраняется, а и нарастает. Как отмечает Э. Лозаннский [2], этнические диаспоры и меньшинства США все больше обособляются и конкурируют, формируя в органах власти влиятельные лоббистские группировки, сопоставимые с лобби ТНК и партийной системой. К тому же, эти этнические лобби все активнее лоббируют интересы государств происхождения, превращая

иммигрантские общины в колонии, проводящие интересы заокеанских метрополий.

Таким образом, сегодня мы имеем дело с двумя противоположными тенденциями глобализации: объединительной, ведущей к внедрению новых форм глобальной общности и планетарному униформизму; и разъединительной, ускоряющей мощные этномиграционные потоки и превращающей большинство стран в бурлящие этнические мозаики. Все это не лучшим образом отражается на выборе и формировании этнонациональной политики в государствах постсоветского пространства, ставя ряд сложнейших и труднопреодолимых задач. Бывшие республики СССР в большинстве представляют собой многонациональные государства. Исключением можно назвать только Армению, где численность иноэтничных групп не превышала 3-4%. Существующие тенденции однозначно подымают вопросы сохранения государственных образований и безопасности в данном регионе.

По мнению Кенана Аллахвердиева, глобализация выносит на первый план ряд следующих этнополитических проблем: «обостряются взаимоотношения между «титульными» и «нетитульными» народами, а также между так называемым «Центром» и этническими регионами, анклавами; усиливается этнический редукционизм, рассматривающий все процессы политического, социально-экономического и культурного развития сквозь призму этнонациональной идентификации; усугубляется этнонационализм и этнорегионализм; актуализируются права и статус этнических меньшинств; происходит «смещение акцента с политико-гражданской идентификации людей в сторону этнической» [3, ст. 11,12].

В той или иной степени эти проблемы становятся актуальными для Грузии и Молдовы. Являясь наследницами хаотичных, непоследовательных и дискриминационных политик в сфере регулирования этнонациональных отношений, страны уже лишились части своих территорий (Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье). В результате возникшие межэтнические конфликты были переведены в латентное состояние с угрозой возобновления под действием малейшего конфликтогенного фактора в любой момент. Как Грузия, так и Молдова оказались на рубеже двух крупных региональных объединений на континенте - Европейского и Евразийского Союзов. Находясь в зоне геополитических интересов России, оба государства нацелены на Евроинтеграцию.

Более двадцати пяти лет независимости Грузии могут быть разделены на три различимых периода политики регулирования этнонациональных отношений. Первый период (1990-1992 гг.) нахождения у власти Звада Гамсахурдиа был пиком национализма, вылившимся в межэтнические конфликты. Второй период (1992-2003) был отмечен политикой игнорирования этнических меньшинств в контексте «недееспособного государства» и попытки

провала захвата государства при Эдуарде Шеварнадзэ. Период президентств Саакашвили (2004-2013) и Маргвелашвили (2013 -) характеризуется укреплением авторитета государства и более инклюзивного национального дискурса.

На данный момент в грузинском обществе вырисовываются две стратегии в отношении этнических меньшинств. Первая из них заключается в попытках построения единой государственной нации по европейскому образцу XIX века. В этом случае этническая, национальная принадлежность уходит на второй план, а на первый выходит владение грузинским языком и преданность государству со стороны граждан независимо от этнического происхождения. Этого подхода придерживались «националы» и их сторонники, которые в свое время, добились изъятия из документов, удостоверяющих личность, графы национальности. Вторая стратегия состоит в том, что ассимиляция граждан различных этнических групп в одну нацию воспринимается как угроза для грузинского этноса, который таким образом, якобы потеряет свои традиции и характерные черты и превратится в некую общность, лишенную этнической уникальности. Поэтому, чтобы не допустить этого, сторонники данного подхода призывают отказаться от создания новой нации, не добиваться, слишком быстрой ассимиляции национальных меньшинств (в частности, вернуть графу национальности в паспорте). Национальные меньшинства в таком случае отодвигаются как бы на обочину общественной и политической жизни. То есть, загоняются в некие социальные и профессиональные «гетто», где и должны трудиться и жить, чтобы не создавать угрозу доминированию грузинского этноса в стране и не оказывать слишком активную конкуренцию [4].

Очевидно, что всецело отвечая растущим ксенофобским настроениям в грузинском социуме, который в условиях глобализации испытывает чувство страха потерять национальную самобытность и «преобладание» в собственной стране, вторая стратегия приведет впоследствии к еще большим проблемам и росту напряженности в межэтнической коммуникации в условиях так называемого «этнического ренессанса». Сегодня из национальных меньшинств, исторически проживающих на территории Грузии, в ощутимом количестве остались лишь армяне и азербайджанцы. Ситуации с ними значительно отличаются друг от друга.

Если посмотреть на демографические тенденции, отчетливо видно, что численность армянского населения в Грузии неуклонно снижается за последние десятилетия, и особенно быстрыми темпами именно после провозглашения независимости Грузии. За 30-40 лет она сократилась примерно вдвое, и процесс продолжается. Молодежь, трудоспособное население уезжают в другие страны, в первую очередь в Россию. Во всяком случае, так было до недавних времен, а теперь, в связи с экономическим кризисом в России, ситуация может измениться и вектор эмиграции может ослабеть или изменить направление на другие страны. Рождаемость среди армянского населения в Грузии находится на сравнительно

низком уровне, причем как в Тбилиси, так и в сельских районах, а старение населения и отъезд молодых поколений еще больше снижают эти показатели [4].

Таким образом, сейчас армяне не способны оказывать какую-либо серьезную конкуренцию титульной нации в столице. Эта ситуация могла бы подтолкнуть власти и общество Грузии, чтобы ослабить давление на армянскую общину и не воспринимать ее чрезмерно настороженно, однако пока что этого не происходит. Ситуация с бывшими армянскими церквями в Тбилиси говорит об этом (большинство из них стоят заброшенными, и любые попытки вернуть их армянским прихожанам наталкиваются на сопротивление как властей, так и Грузинской православной церкви и большинства грузинского населения) [4].

Другая ситуация складывается в случае с азербайджанским населением. Здесь демографические процессы имеют более положительную динамику, и, несмотря на значительные масштабы эмиграции азербайджанцев из Грузии, благодаря сравнительно высокой рождаемости, их численность как минимум не уменьшается, что приводит к постепенному росту процентных показателей, так как общая численность населения в Грузии имеет тенденцию к уменьшению. Например, по данным официальных переписей, только с 2002 до 2014 год население Грузии сократилось с 4,4 миллиона до примерно 3,7 миллиона человек.

Более того, среди азербайджанского населения потенциально могут происходить два процесса, создающих довольно серьезные вызовы для грузинского государства и общества. Во-первых, «тюркизация» сознания, то есть постепенное отождествление себя с единым тюркским суперэтносом, а, во-вторых, появление и постепенное усиление радикальных исламистских течений салафитско-ваххабитского толка. Оба эти процесса вполне реальны и на практике уже имеют место в определенных масштабах. Окончательная «тюркизация» азербайджанского населения может быть вызовом для национальных интересов Грузии тем, что в этом случае образуется протяженная дуга тюркского населения почти по всем южным и восточным границам страны и внутри нее, в том числе вокруг столицы. А возможное переселение еще и турок-месхетинцев в регион Самцхе-Джавахети замкнет эту дугу и окажет серьезное воздействие и на ситуацию в Аджарии. Что касается усиления салафитско-ваххабитских настроений, на примере Ирака, Сирии, Северного Кавказа и других регионов можно отчетливо видеть, насколько опасным может быть подобное развитие событий. [4]

Ситуацию здесь смягчает то обстоятельство, что большая часть азербайджанского населения, как в самом Азербайджане, так и в Грузии, придерживалась и все еще придерживается шиитского направления ислама, что исключает на данном этапе появление с этой стороны таких явлений, как это происходит в случае радикальных суннитских течений. К потенциальной угрозе грузинским национальным интересам можно отнести также и «внешнюю

статусность», которой обладают её армянское и азербайджанское меньшинства, так как они являются одновременно «титульными» в соседних государствах. В условиях современного мира практически невозможно избавиться от опасения, что международные акторы, геополитические центры силы или же «государство-покровитель», могут встать на защиту этнического меньшинства или использовать его в своей агрессивной политике и аннексировать населяемую им территорию.

Следует отметить, что присутствие иных национальных меньшинств малоощутимо на территории Грузии. Хотя процессы повсеместно растущей иммиграции вряд ли обойдут эту страну, тем более, если она будет постепенно интегрироваться в европейские структуры. При этом, нетрудно представить реакцию «титульного» населения на возможное «заселение» иностранцами. Так или иначе, Грузии, как многим странам, придется отвечать на подобные вызовы, решая целый комплекс экономических, демографических проблем и проблем безопасности в строительстве утрачивающего свою роль современного государства.

В отличие от Грузии Молдова переживает гораздо более сложную и трудноразрешимую ситуацию, когда возможности интеграции многонационального государства значительно ограничиваются разновекторной настроенностью «титульной» нации и национальных меньшинств по такому важному вопросу, как будущее страны. Компактно проживающие в провинциальных регионах страны национальные меньшинства, а это, в соответствии с переписью населения 2004 года, украинцы (8,4%), русские (5,9%), гагаузы (4,4%), болгары (1.9%) и представители других народностей(1,4%), в основном выступают против курса официального правительства на сближение и интеграцию с Евросоюзом. При этом выражают они свои позиции не только на выборах, голосуя в основном за пророссийские партии, но и предпринимая другие политические действия. В феврале 2014 года в Гагаузской автономии был организован референдум, признанный незаконным центральной властью. Большинство его участников, вместо интеграции с ЕС, поддержало идею интеграции Молдовы с руководимым Россией Евразийским Таможенным союзом, и было заявлено, что в случае, если Молдова потеряет свой суверенитет, Гагаузия объявит себя независимой республикой [5].

Власти Тараклии, этнического района болгар, поддержали результаты референдума и напомнили центральной власти о своем требовании автономии в 2013 году [6]. В июне 2014 года, в день подписания Соглашения об ассоциации, коммунистическое большинство городского совета в Бельцах («северная столица» Молдовы, место компактного проживания украинцев) выразило озабоченность в связи с этим соглашением и попросило о предоставлении городу особого статуса, а в случае отказа намеревалось организовать референдум об автономии региона [7].

Для Молдовы, и без того стоящей перед проблемой приднестровского сепаратизма, эти попытки означают дестабилизацию и серьёзную угрозу сохранения государства в существующих границах. Особенностью страны является то, что не только этнические русские, но и большинство нетитульных этнических групп Молдовы занимают пророссийскую позицию в силу культурной близости с Россией и исторической памяти и представляют собой весьма немалочисленную группу, влиять на которую, или же не считаться с которой, непросто. Такое своеобразное объединение этносов, где русские далеко не являются большинством. При этом, понятие национальные меньшинства в Молдове практически синонимично русскоязычному населению, поскольку многие представители нацменьшинств либо не владеют румынским, либо предпочитают использовать русский, являющийся в Молдове языком межнационального общения. Россия воспринимается ими как позитивный участник международных процессов, их вековой защитник.

Очевидно, мы имеем дело с примером, когда развитие информационных и культурных связей позволяет этнически родственным сообществам укреплять солидарность, заимствовать эффективные образцы самоорганизации, а также рассчитывать на экономическую и политическую поддержку друг друга. Учитывая новые реальности глобализации и новые перспективы этнического развития, можно сделать вывод, насколько велик потенциал дестабилизации обстановки в стране в данной ситуации.

Как следствие, недавно разразившийся конфликт между Россией и Украиной привел к резкой поляризации населения Молдовы и к появлению двух враждебных лагерей, проукраинского (прозападного) и пророссийского. При этом молдавское правительство стало на сторону первого, нацменьшинства, включая самих украинцев, - второго [8]. В ходе украинского кризиса усилилась российская пропаганда, осложнив еще больше диалог между двумя лагерями.

Более того, отделение в марте 2014 года Крыма от Украины и его аннексия Россией, а также продолжающаяся сепаратистская война на востоке Украины, породили опасения, что подобная угроза может возникнуть со стороны пророссийски настроенного населения Молдовы, в особенности со стороны нацменьшинств. Политические элиты и СМИ провозгласили, что «события в Крыму могут вызвать непредусмотренные и нежелательные действия в южной части Молдовы», «Бельцы, с их пророссийскими настроениями, могут стать молдавским Донецком» и «Молдова может получить свой Донбасс», имея в виду Гагаузию [9].

Такое положение вещей однозначно свидетельствуют, что в стране безотлагательно должны быть предприняты меры по снятию существующей в обществе напряженности. Продуманная и правильно выстроенная этнонациональная политика, могла бы стать ключом к решению проблемы. По мнению Марчина Косенковского и Вильяма Шрейбера, акцент должен быть

сделан на следующие элементы: большая интеграция национальных меньшинств в социальные и политические структуры, разумная децентрализация власти в этнических регионах и укрепление гражданской идентичности [10].

В заключении следует отметить, что, несмотря на то, что в странах сложились разные ситуации с национальными меньшинствами, им предстоит решать ряд схожих проблем в процессе формирования государственной политики в области национальных меньшинств с учетом Стандартов Европейского Союза и перспектив строительства европейского общества.

Библиография

1. Сафонов Андрей Леонидович, Орлов Александр Дмитриевич Глобализация как дивергенция: кризис нации и «Ренессанс» этноса // Вестник БГУ. 2011. №6. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/globalizatsiya-kak-divergentsiya-krizis-natsii-i-renessans-etnosa (дата обращения: 15.08.2016).
2. Лозаннский Э.Д. Этносы и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. – М.: Международные отношения, 2004. – С.272.
3. Аллахвердиев Кенан Кавказ: между "молотом" глобализации и "наковальней" этнополитики // Кавказ и глобализация. 2007. №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kavkaz-mezhdu-molotom-globalizatsii-i-nakovalney-etnopolitiki (дата обращения: 04.08.2016).
4. Векуа Георгий Грузия и её политика в отношении национальных меньшинств // Ноев Ковчег. 2015 . №16-17. URL: http:// noev-kovceg.ru/mag/2015-16-17.html (дата обращения: 15.08.2016).
5 Całus K. Gagauzia: Growing Separatism in Moldova? // OSW Commentary. 10 марта 2013 www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2014-03-10/gagauzia-growing separatism-moldova
6. Тараклия хочет присоединиться к Гагаузии, чтобы получить право на выход из состава Молдавии // REGNUM. 9 апреля 2014, www.regnum.ru/news/polit/1788987
7. Коммунисты намереваются организовать референдум об автономии Бельц // AVA.MD. 30 июня 2014, URL: http://ava.md/projects/pkrm/025778-kommunisti-namerevaqtsya-organizovat-referendum-ob-avtonomii-bel-c.html
8. Андриевский А. Русскоязычные Молдовы: свои или чужие // AVA.MD. 28 апреля 2014 URL: http://ava.md/analytics-commentary/024837-russkoyazichnie-moldovi-svoi-ili-chuzhie.html
9. Грамова С. В Молдавии может появиться свой Донбасс // Независимая газета. 3 июля 2014 www.ng.ru/cis/2014-07-03/1_moldavia.html
10. Марчин Косенковского и Вильям Шрейбера Национальные меньшинства Молдовы и их отношение к европейской интеграции // Russie.Nei.Visions № 81, 2014 URL: http//www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri/